

Когда Ан Чан Цин принес лапшу в кабинет, Сяо Чжигэ сидел у окна и читал книгу о военном искусстве. Ван Фэй отослал Анфу и поставил лапшу прямо перед мужем:

- Чан Цин совершил что-то, что сделало Ванг Е несчастным?

Ухо Сяо Чжигэ шевельнулось. Он отложил книгу и посмотрел на него:

- Ничего подобного.

- Значит ли это, что Ванг Е не любит Чан Цина?

Сяо Чжигэ немного помолчал, прежде чем ответить:

- Нет.

- Тогда почему Ванг Е не спал со мной прошлой ночью? - Ан Чан Цин посмотрел на него красными глазами.

На самом деле ему не хотелось плакать. Мужчина не должен небрежно проливать слезы. Он не плакал, даже когда страдал от бесчисленных обид и издевательств в своей прошлой жизни. Однако стоило просто задать несколько вопросов Сяо Чжигэ, как его глаза покраснели, а в носу начало покалывать.

Ан Чан Цин устыдился себя и попытался остановить слезы.

- Если я тебе не нравлюсь, зачем тебе этот брак? Неужели ты думаешь, что будучи мужчиной, я бы сам захотел выйти за тебя замуж?

Сяо Чжигэ, увидев его красные глаза, не знал, что делать. Он не был сведущ в утешении других и смог только сказать, нахмурившись:

- Я знаю, что ты не желал этого. Не волнуйся, я не стану тебя ни к чему принуждать. В будущем... Если в будущем ты действительно не захочешь оставаться в поместье Ванг, я позволю тебе уйти.

Ан Чан Цин не знал, когда это «будущее» настанет, но слова о том, что Сяо Чжигэ спокойно отпустит его, заставило что-то щелкнуть в его голове. Слезы неудержимо катились по его щекам.

- Ты только что отрицал, что не любишь меня, а теперь хочешь избавиться от меня. И это тогда, когда я только подумал, что мы могли бы провести нашу жизнь вместе... Тогда давай не

будем ждать еще дольше – ты можешь отправить меня обратно прямо сейчас! – Ан Чан Цин был взволнован и расстроен.

Он поднял руку и вытер слезы, катившиеся по его щекам. Шмыгнув носом, он взял чашу с лапшой и выбросил ее в окно.

– Раз я так сильно неприятен Ванг Е, то ты, вероятно, даже не захочешь попробовать то, что я сам приготовил!

На лице Сяо Чжигэ отразилось раскаяние, но в тот же миг он, увидев на пальце Ан Чан Цина волдыри от ожога, быстро схватил его и строго спросил:

– Что случилось?

Эмоции Ан Чан Цина все еще были нестабильны. Подумать только, что он проявил инициативу в отношениях с этим человеком и хотел провести с ним всю свою жизнь!

– Это не касается Ванг Е!

Сяо Чжигэ вздохнул, осторожно уклонился от руки Чан Цина и обнял его.

– Дело не в том, что ты мне не нравишься, – сказал он с некоторой беспомощностью в голосе. – Просто...

Сяо Чжигэ не стал продолжать своих слов. Сначала он просто хотел защитить Чан Цина, забрав под свое крыло, и таким образом сделать его жизнь лучше.

Однако незадолго до начала свадебной церемонии услышал, что Ан Чан Цин был против этой свадьбы. И узнал, что Ан Чжи Кэ накачал его парализующим снадобьем и держал запертым в комнате до самой церемонии.

Именно тогда он понял, что возможно, Ан Чан Цин не нуждался в той защите, что он так желал ему обеспечить. Для этого юноши он, вероятно, был всего лишь незнакомцем с плохой репутацией, который вынудил его вступить в нежеланный брак.

Однако после того как они уже поженились, отпустить Чан Цина оказалось намного труднее, чем он предполагал. Сяо Чжигэ мог только держаться от него на расстоянии, не желая напугать или как-то ранить.

Хотя он и не ожидал, что Чан Цин сможет полюбить его, все же не хотел увидеть в глазах юноши тот же страх, что испытывали к нему остальные.

- Тогда почему ты не спал со мной в первую брачную ночь? - С тех пор как эмоции взяли над ним верх, Ан Чан Цин больше не сдерживался в словах. Он поднял голову и спросил. - Знаешь, что говорили обо мне служанки? Они сказали, что я Ван Фэй только по титулу, и я никогда не смогу завоевать твою благосклонность, даже не смогу родить тебе ребенка...

Сяо Чжигэ снова замолчал. Он был опечален своей неспособностью уговорить другого человека. Несомненно, он хотел покончить с этим браком, но только не так, чтобы Ан Чан Цин почувствовал, что вынужден пойти на компромисс под его давлением. Он не хотел, чтобы у юноши остались какие-то сожаления.

Не получив ответа, Ан Чан Цин снова заплакал. От рождения он обладал нежной красотой, которую сейчас дополнили красные от слез глаза и пылающие щеки. И это зрелище болью отозвалось в сердце Сяо Чжигэ.

Ему почти хотелось слизнуть слёзы с лица юноши, но, сдержавшись, он просто вытер их большим пальцем руки и тихо сказал:

- Кто бы ни посмел оскорбить тебя, я разберусь с ними.

Бедный Северный Военачальник все эти годы храбро сражался в бесчисленных битвах, но так и не понял, как успокоить чьи-то слезы. Единичные случаи, когда он проявлял хоть какую-то нежность, были с Ван Фэй, что сейчас находился в его объятиях. Поэтому ему было нелегко успокоить кипящего от обиды и негодования Ван Фэй.

По правде говоря, Ан Чан Цин успокоился уже в тот момент, когда оказался в его объятиях. Видя, что супруг проявляет инициативу, он решил испытать его.

Шмыгнув носом, он посмотрел ему в глаза и спросил:

- Это правда?

Облегченно вздохнув, Сяо Чжигэ кивнул:

- Даю тебе слово.

Ан Чан Цин посмотрел на него, и его разум освободился от сомнений:

- Тогда возвращайся в нашу комнату и спи со мной.

Сяо Чжигэ глубоко вздохнул:

- Хорошо, - в худшем случае, он всегда мог увеличить часы тренировок, чтобы лучше контролировать себя.

- Смени всех горничных в главном дворе на мальчиков: я не люблю, когда мне прислуживают служанки.

- Все, что ты пожелаешь.

Наконец Ан Чан Цин был доволен. Он перестал шмыгать носом и расслабился в объятиях Сяо Чжигэ. Почувствовав, что мужчина в его руках наконец-то успокаивается, Сяо Чжигэ тяжело вздохнул.

Затем осторожно взял обожженную ладонь Чан Цина и спросил:

- Так что же произошло?

Ан Чан Цин согнул палец и беззаботно сказал:

- Я случайно ошпарился, когда готовил тебе лапшу.

У него от рождения была очень нежная и чувствительная кожа, поэтому даже небольшая капля кипящей воды могла обернуться волдырем на его коже. Это было не так уж и важно, но кто бы мог подумать, что Сяо Чжигэ будет так внимателен к этому...

- Не дотрагивайся до него, я принесу какое-нибудь лекарство для тебя, - нахмурился Сяо Чжигэ и усадил его у окна.

Затем он принес иглу и свечу, чтобы простерилизовать иглу над огнем. Держа юношу за руку, он осторожно проткнул волдырь, прежде чем нанести на него лекарственный порошок. Сяо Чжигэ обработал рану Ан Чан Цина с предельной осторожностью, опасаясь, что ему будет больно.

Генерал с хладнокровным видом держал его за руку так нежно, словно это было хрупкое сокровище.

Ан Чан Цин наблюдал за каждым его движением, и слезы снова подступили к глазам. За всю его жизнь никто, кроме матери и сестры, не был так заботлив по отношению к нему.

Сяо Чжигэ, с другой стороны, думал, что слезы Ан Чан Цина вызваны болью.

Его движения стали мягче и, сохраняя каменное лицо, он тихо сказал:

- Скоро перестанет болеть.

Ан Чан Цин издал приглушенный стон:

- Ммм..., - и посмотрел в окно. - Завтра я приготовлю тебе еще одну чашу лапши.

Сяо Чжигэ немедленно возразил:

- Оставь это слугам. Ты должен позаботиться о своей ране.

Ан Чан Цин посмотрел на свой аккуратно перевязанный палец и самодовольно улыбнулся. Вот так-то лучше.

<http://bllate.org/book/13048/1151666>